

М. Шуклин

Третий мир Древней Европы

Ход древней истории Европы в течение почти тысячи лет, с V века до новой эры по V век новой эры, определялся взаимодействием — столкновением, взаимовлиянием и взаимопроникновением семи социально-культурных структур, семи миров.

Семь миров

Что это за миры?

Первый — средиземноморский мир античной рабовладельческой цивилизации.

Второй — фантастической и загадочной цивилизации кельтов, племена которых заселяли земли Западной и Средней Европы, от Британских островов до Карпат. К началу новой эры цивилизация эта погибла под ударами сво-

гих культур, соответствующих, вероятно, каким-то племенным объединениям родственных, а подчас и неродственных племен. По поводу того, что скрывается за археологической культурой, то есть за определенным единством материальной культуры на определенной территории, археологи все еще ведут споры. Пока безусловно лишь одно — за этим могут скрываться единства разного рода. Более или менее однозначные ответы можно дать лишь в некоторых конкретных случаях и чаще всего при сопоставлении с письменными источниками. Об осталь-

Кельтская фибула из поморского погребения в Польше.

их северных и южных соседей, но импульс кельтской культуры, полученный народами Европы, ощущался еще в течение нескольких веков.

Третий — мир «варваров» Северной и Восточной Европы, охватывающий земли от Северного моря до Западного Буга, включающий Скандинавию, а на некоторое время, во II—I веках до новой эры, достигающий Молдавии и Среднего Поднепровья.

Четвертый — мир фракийских племен Карпатского бассейна и Нижнего Подунавья. Жившие в восточной части левобережья Нижнего Подунавья назывались гетами, а в западной — даками.

Пятый — мир степной, кочевнической мир разнообразных, в основном ираноязычных, скифо-сарматских племен, заселявших всю полосу евразийских степей — от Дуная до Алтая.

Шестой — мир жителей лесной зоны Восточной Европы, от Прибалтики до Посеймья, говоривших, по всей вероятности, на различных балтских диалектах. Потомками их считаются современные латыши и литовцы.

И наконец, седьмой, еще более удаленный от центров античной цивилизации, затерянный далеко в лесах, — мир финно-угорских племен — от Финского залива до Урала.

Было бы неверно считать, что каждый из этих миров образует один народ. Существовала тенденция к превращению каждого мира в единый этнос, но процессам этим, насколько мы знаем, практически нигде не довелось завершиться. Эпоха великих переселений IV—VI веков разрушила и разметала все эти миры, а их обломки сложились в новую композицию, ставшую основой политической и этнической карты Европы последующих веков. Надо помнить также, что тогда здесь не было еще народов в современном понимании этого слова. Государственные границы, нормы литературного языка, экономические и социальные связи сковывают теперь население в значительно более тесные и стабильные единства. Границы расселения древних племен и племенных групп были более расплывчаты и изменчивы, диалектные различия значительнее, языки и культуры легче подвергались изменениям.

В пределах каждого мира археологи выявляют, как правило, не одну, а несколько археоло-

гом же можно строить лишь предположения и догадки.

Тем не менее археологические культуры каждого такого мира имеют между собой значительно большую степень сходства, чем с культурами других миров. Некоторые промежуточные группы — лишь исключение из правила, его подтверждающее. Все группировки внутри мира обладают сходной структурой культуры. Например, горшки археологических культур шестого, лесного мира (юхновской, милоградской, днепро-двинской, штрихованной керамики) различаются несколько и формой, и способом обработки поверхности, но все эти культуры — «горшечные», потому что в отличие от других миров нет здесь ни мисок, ни кувшинов: никакой другой посуды, кроме вылепленных вручную, очень простых и слабопрофилированных горшков, жители лесной зоны не знали. А вот погребальные обычаи населения степей очень разнообразны, но всегда здесь хоронят под курганами и, как правило, мужчин, а иногда и женщин вместе с оружием. Это «курганное» культуры. И так далее. Специально обосновывать различия миров нет возможности, да нет и необходимости. Миры — объективная реальность при всей условности их разграничения. Сходство и различия их структур обеспечивались прежде всего спецификой природных условий, хозяйственной деятельности, уровнем социального развития, а также единством происхождения большинства населения или его наиболее активной части, направлением экономических, этнических и социальных связей и другими обстоятельствами. За единством культур скрывается, вероятно, и сходство социальной организации отдельных групп, и сходство психического склада обитателей каждого «мира». Автору уже довелось на страницах журнала охарактеризовать кратко второй, кельтский мир*. Теперь очередь следующего.

Третий мир

Представители этого мира почти всегда сжигали умерших. Пепел ссыпали в глиняный сосуд, в урну или в ямку и хоронили на боль-

ших кладбищах-могильниках — «полях погребений», насчитывающих по нескольку сотен захоронений. А в урнах или рядом с ними — вещи: поясные скрепы-крючки (пряжек еще не изобрели), украшения — браслеты, бусы, а главное — фибулы. Археологи особенно любят эти застежки плаща, работающие по принципу английской булавки. Они больше, чем все другие предметы, были подвержены воздействию моды, формы их постоянно менялись, и потому они оказываются очень точным хронологическим индикатором. Обилие фибул — второй характерный признак всех культур третьего мира. Они все «фибульные».

Третий общий признак — черная блестящая лощеная керамика. А также керамика «хрповатая», то есть нарочито ошершавленная. Поверхность сосуда перед обжигом дополнительно обмазывали глиной с песком. Иногда верх и низ залощены, а тулово — хрповатое или полосов хрповатости и лощения чередуются по всему тулову сосуда.

Одинакова во всех культурах и тенденция развития форм керамики. На ранней стадии, в V—III веках до новой эры, много округлоблочных сосудов с высокой горловиной, вроде крынки или кувшина без ручки, затем появляются и все шире распространяются разного рода миски. Все культуры становятся «мисочными».

Некоторые формы мисок явно подражают кельтской керамике, изготовленной на гончарном круге. Подражают кельтским изделиям и некоторые украшения, например так называемые «голыштинские» пояса-цепи из бронзовых пластинок. По кельтским образцам делались и фибулы. И мода на них менялась синхронно с переменами моды в кельтском мире. Археологи не случайно говорят о «круге латенизированных культур» Северной и Восточной Европы (культура самих кельтов называется латенской), о «кельтской вуали». И это еще один общий момент для всего третьего мира.

Ясторфская культура

В эпоху бронзы большую часть территории между Рейном и Одером занимали две археологические культуры — курганная и «полей погребений». А юго-восточный угол этой территории, от среднего течения Одера до верховьев Эльбы, был населен западными группами большой лужицкой культуры, простирающейся на северо-восток до Прибалтики. Эти три культуры не совсем одновременны, находятся в довольно сложном взаимодействии. Но мы сейчас вдаваться в эту проблему не будем.

В IX—VIII веках до новой эры люди курганной культуры и полей погребения познакомились с самой передовой в те времена культурой Центральной Европы, культурой Гальштат, занимавшей Приальпийскую зону. В Гальштате уже знали железо. Импорт железа вызвал большие социальные перемены. Племенные вожди, захватившие в свои руки контакты с приальпийской зоной, быстро разбогатели. Роскошные погребения с колесницами известны как в непосредственной близости к Альпам, так и в глубине материка. Но единство центральноевропейских культур распалось. А в это время произошло и крушение объединения племен, представленных культурой Гальштат. Тому способствовал целый ряд обстоятельств, а одним из них были набеги с востока конников-кимерийцев. С этого момента судьбы потомков носителей культуры полей погребений и курганных культур разошлись.

В южных областях победила аристократическая часть населения, создавшая свою, латенскую культуру. Они стали кельтами. В северной же, наоборот, богатые «княжеские» погребения исчезли. Лишенная контактов с югом, аристократия, вероятно, потерпела поражение. Победили рядовые общинники. На некотором

* М. Шуклин. Улыбка Чеширского Кота. «Знание — сила», 1985 год. № 5.

1, 2. Грифы-короны, найденные в районе города Мены, в Черниговской области.

время население даже было вынуждено вернуться к изделиям из камня и кости. Но вскоре было освоено производство железа из местных богатых руд, начался процесс самобытного развития.

Одновременно по каким-то еще не ясным причинам запустели районы Центральной и Северной Дании. Районы же Северной Германии, особенно низовья Эльбы, оказались густо заселенными. Возможно, был приток населения с севера, хотя археологи отчетливых следов переселения и не улавливают. В результате к V веку до новой эры на болотисто-лесистых равнинах Шлезвиг—Гольштинии, Ганновера, Мекленбурга и Бранденбурга, то есть в северо-восточной части Германии, возникло новое культурное единство — ясторфская культура, точнее, ее ядро. Носители этой культуры оказали существенное влияние на все население междуречья Рейна—Одера, и вокруг ядра образовался целый ореол различных по своему облику и по составу культурных групп — ясторфская культура в широком смысле.

Поскольку народы Центральной и Северной Европы не знали письменности, нам, пользуясь лишь безгласным археологическим материалом, очень трудно судить о том, как назывались эти «варварские» племена, на каких языках говорили представители отдельных группировок ясторфской культуры в момент ее образования, на каких языках — их предшественники. О конкретных народах мы можем судить лишь с того момента, когда о них сооб-

щается в письменных источниках. Каждый народ образовался в определенный момент и в определенных исторических условиях, и возникновение его сопровождалось сложными социальными и политическими процессами. У многих народов не один корень. В ходе истории, а она всегда была бурной и напряженной, многие самобытные народы исчезли вообще, растворились в других. Поэтому совсем не обязательно пытаться определить этническое лицо каждой общности древнего населения, представленной той или иной археологической культурой. Пока, на нынешнем этапе исследования, нас может удовлетворить и то условное наименование, которое дают этой общности археологи.

Культуры поморская, пшеворская и оксывская

В VI—V веках до новой эры пришла в упадок богатая лужицкая культура. Западные ее группы включились в ясторфскую культуру в широком смысле, жители северо-восточного угла образовали культуру западнобалтских курганов*.

Погибла ли центральная часть лужицкой культуры в междуречье Одера и Вислы в результате набегов кочевников-скифов, как считали некоторые исследователи, указывая на находки скифских наконечников стрел, или она разрушилась из-за каких-то внутренних неурядиц и климатических изменений, пока сказать трудно. Возможно, действовал комплекс причин. Во всяком случае, все укрепленные центры (городища) лужицкой культуры или сгорели, или были покинуты обитателями. Многие земли, прежде густо заселенные, запустели и заросли лесом. Впрочем, не повсеместно. Лужицкая культура распалась на ряд групп, на ряд локальных вариантов. Один из них, поморский, оказался живучим. Вместо проса, пшеницы и бобовых, культиви-

* Носители культуры западнобалтских курганов стали прямыми предками западнобалтских племен — пруссов, галиндов, судинов, доживших до позднего средневековья и лишь тогда исчезнувших. Часть была выбита крестоносцами, часть растворилась в родственной литовской среде.

руемых лужичанами, поморцы стали выращивать рожь, перестали тратить усилия на возведение огромных городищ, и понемногу новая, поморская культура к IV веку до новой эры охватила почти всю территорию современной Польши. Польские археологи трактуют этот процесс двояко. Одни считают, что поморцы завоевали земли остальных лужицких групп, ослабленных скифскими набегами; другие предполагают, что лужичане, воспринимая у поморцев формы хозяйственной деятельности и даже погребальные обычаи, постепенно трансформировались в поморцев. Одно, впрочем, не исключает другого. Процесс сложения новой культурной общности всегда остается не до конца ясным.

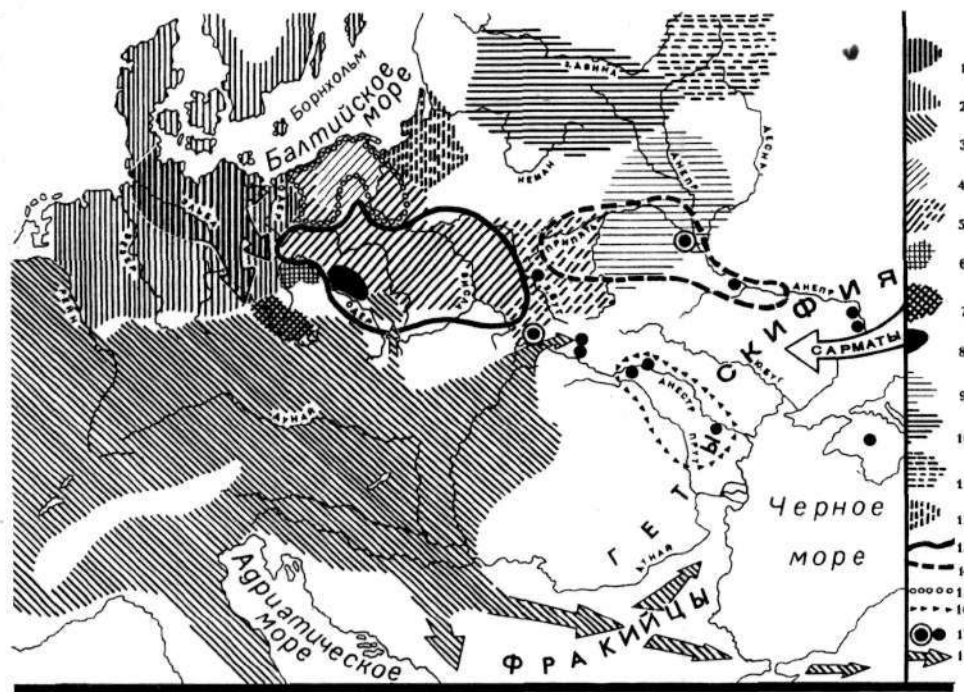
По облику поморская культура достаточно близка ясторфской. И у той, и у другой — множество различных форм трупосожжения, такие же бомбовидные сосуды с высокой горловиной. Используемые в качестве урны, они так же накрывались, как шапкой, миской. Поморцы превращали их иногда в «лицевые урны»: лепили нос, прочерчивали глаза, рот, надевали на такую урну украшения — бронзовые гривны, серьги. Ясторфцы этого не делали, но подобные обычаи в эпоху бронзы были известны жителям Северной Дании и Норвегии. Польский исследователь Тадеуш Малиновский считает, что именно благодаря контактам с этими областями идея «лицевых урн» проникла в Поморье. Но идеи не ходят сами по себе, значит, были люди, побывавшие и в Дании, и в Поморье. Распространен, впрочем, в поморской среде и обряд сугубо специфический — урну накрывали перевернутым вверх дном большущим грубо лепленным горшком.

Лет сто — сто пятьдесят спустя после образования поморской культуры, на рубеже IV—III веков до новой эры, на южной окраине ее распространения, в Силезии, около современного Вроцлава, появились кельты. Сюда докатилась волна их исторической экспансии». Возможно, именно эти события заставили часть людей поморской культуры сдвинуться к востоку и уйти за Западный Буг. Достигнув Польесья в районе Пинска, а на Волыни — верховьев Горыни, они оказались в пограничье с могучим скифским царством Северного Причерноморья, как раз в это время переживавшим тяжелые времена. На скифов напали их восточные соседи сарматы и, по свидетельству грека Диодора, превратили большую часть Скифии в пустыню.

Появление кельтов с их развитой культурой производства, высокой социальной и военной организацией могло бы оказать существенное влияние на носителей поморской культуры. Но поначалу этого не случилось. Кельтов было мало, они составляли замкнутую компактную группу, а отношения с поморской средой сложились враждебные: если раньше отдельные вещи из кельтского мира и попадали к поморцам, то теперь контакты почти полностью прекратились. Такое неустойчивое равновесие могло сохраняться достаточно долго, но малейший толчок извне мог его нарушить. И действительно, последующие, вероятно, весьма бурные события привели к тому, что спустя еще сто лет вместо поморской культуры в междуречье Одера и Западного Буга возникли два новых археологических единства — культуры пшеворская и оксывская. Стимулировали эти события, скорее всего, те процессы, которые во второй половине III века до новой эры происходят среди западных соседей поморской культуры. Там население с севера, из ядра ясторфской культуры, продвигается все дальше к югу и наконец достигает пограничья с кельтами. С этого момента и начинается широкое распространение кельтского культурного влияния на все население Северной Европы.

Польские археологи, занимающиеся проблемой происхождения пшеворской культуры, не сомневаются, что основную часть населения новой общности составили потомки людей прежней поморской культуры. Некоторые, правда, думают, что основой ее были носители лужицкой культуры, продолжавшие на протяжении почти трехсот лет жить попеременно с поморцами, но доказать это довольно трудно.

Очевидна и роль кельтов. От них у пшеворцев оружие и сам обычай помещать его в мо-

Карта 1. Восточная и Центральная Европа в IV—III веках до новой эры.

- 1 — ядро ясторфской культуры;
- 2 — ясторфская культура в широком смысле;
- 3 — территория расселения кельтов;
- 4 — зона поморской культуры;
- 5 — зона распространения поморской культуры;

- 6 — поморско-ясторфская губинская группа;
- 7 — ясторфско-кельтская группа Боденбах — Подмокли;
- 8 — изначальная зона пшеворской культуры;
- 9 — милоградская культура;
- 10 — культура штрихованной керамики;
- 11 — днепродвинская культура;
- 12 — культура западнобалтских курганов;

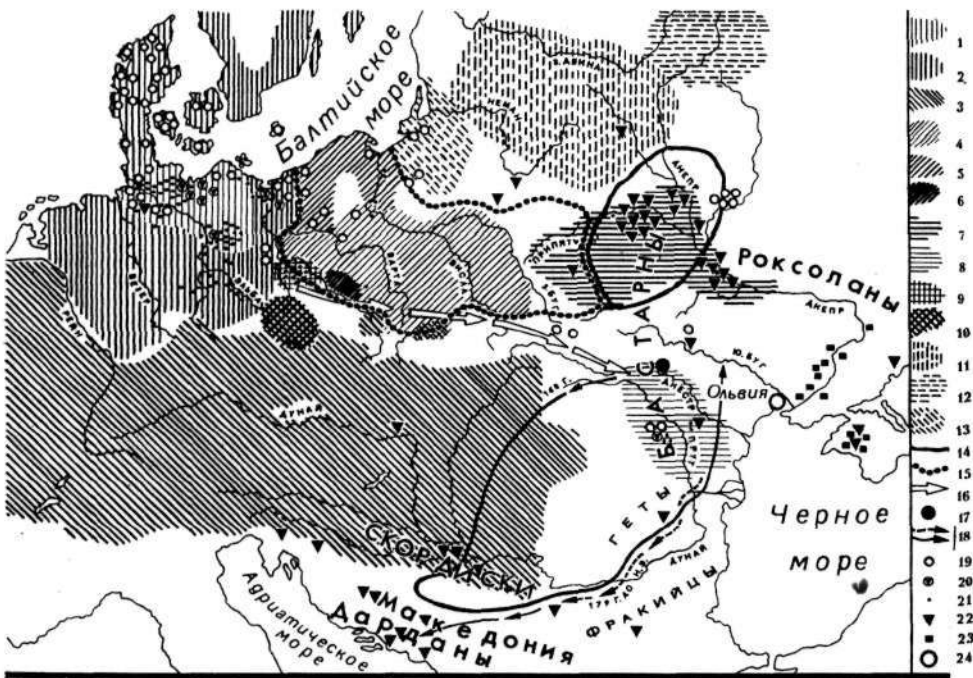
- 13 — границы пшеворской культуры;
- 14 — границы оксывской культуры;
- 15 — границы зарубинецкой культуры;
- 16 — границы культуры Поянешты — Лукашевка;
- 17 — кельтские памятники и отдельные находки кельтских вещей на территории Скифии;
- 18 — направления набегов кельтов-галатов.

Карта 2. Центральная и Восточная Европа в III—I веках до новой эры.

- 1 — ядро ясторфской культуры;
- 2 — ясторфская культура в широком смысле;
- 3 — кельтика;
- 4 — пшеворская культура;
- 5 — оксывская культура;
- 6 — изначальная зона пшеворской культуры;
- 7 — зарубинецкая культура;

- 8 — культура Поянешты — Лукашевка;
- 9 — губинская группа;
- 10 — группа Боденбах — Подмокль;
- 11 — культура штрихованной керамики;
- 12 — днепро-двинская культура;
- 13 — культура западнобалтских курганов;
- 14 — граница милоградской культуры;
- 15 — граница поморской культуры;
- 16 — направление

- переселения губинцев;
- 17 — поселение Горошова;
- 18 — походы бастарнов в Македонию;
- 19 — находки гривен-корон;
- 20 — находки поморских фибул;
- 21 — находки фибул с шариками;
- 22 — находки зарубинецких и балканских копьевидных фибул;
- 23 — позднескифские гордища.

мятники, близкие обеим культурам, но изучены они пока слабо.

Обе культуры, без сомнения, относятся к третьему миру.

Во времена предшествующие Среднее Поднепровье заселяли скифы. Верхнее Поднепровье — носители милоградской культуры, а Молдавию и Молдову — фракийцы-геты. Учитывая это, и строили гипотезы происхождения зарубинецкой культуры от скифской или милоградской, а Поянешты — Лукашевка — от гетской. И действительно, некоторые элементы культур-предшественниц здесь можно усмотреть. Но у предшественников совсем не было чернолощеной и хрповатой керамики, фибулы у них — редкость. Вся структура этих культур была иной, и относились они к другим мирам, причем разным.

Кроме того, если обе общности составили непосредственные потомки скифов, милоградцев и гетов, следовало бы ожидать проявления характерных черт их культур прежде всего на ранней стадии новых образований. Такого, однако, археологи не находят. Отдельные же «похожести» вполне могли быть и результатом соседских контактов.

Конечно, невозможно полностью отрицать, что потомки прежнего населения вошли в состав новых образований, но дело в том, что не они определяли облик обеих культур.

Более привлекательна гипотеза, выводящая зарубинцев из потомков тех поморцев, которые переселились в Полесье на сто лет раньше. Они из того же мира лощено-хрповатой керамики, некоторые формы которой, в частности сосуды с высокой конической горловиной, очень похожи на зарубинецкие.

Что же касается культуры Поянешты — Лукашевка, то ее корни — наиболее полный набор характерных элементов ранней стадии — нашлись довольно далеко, в междуречье Одера — Нейсе, в губинской (одной из смешанных групп ясторфской культуры в широком смысле). Я говорил о движении ясторфцев с севера на юг, приведем к контактам с кельтами; так вот, поток этот имел восточное ответвление. Часть племен, огибая Карпаты, двинулась, вероятно, дальше на восток и на юг. Следы этого переселения совсем недавно были обнаружены археологами.

Ситуация в Причерноморье

На рубеже III—II веков до новой эры в Причерноморье двинулись губинцы. Ситуация здесь была смутной. Уже не было могучего Скифского царства. Сарматы, разбившие скифов на правом берегу Днепра, тоже заходят сюда редко. Образовавшийся вакуум пытались заполнить другие народы. Именно в это время кельты-галаты и какие-то скиры составили союз и угрожали греческому городу Ольвия на берегу Бугского лимана.

Но кто такие скиры? Источники еще несколько раз упоминают их, но уже много лет спустя. Перечисляя народы Восточной Европы в I веке до новой эры, их упомянул римский ученый Плиний Старший. Затем их имя выплывает в водовороте эпохи великого переселения народов среди германских племен. Именно они, в частности, помогли королю Одоакру свергнуть последнего римского императора Ромула Августула в 476 году новой эры.

А о том, что вместе с движением губинцев на рубеже III—II веков до новой эры, а возможно, и какими-то своими путями, в Северное Причерноморье проникали выходцы с далекого северо-запада, свидетельствуют находки. Прежде всего это так называемые гривны-короны. Очень своеобразные украшения в виде массивного бронзового кольца с зубчиками по верхнему краю, с застёжкой на шарнире. Основной район их распространения — Ютландия, земли ядра ясторфской культуры и Поморье, встречаются эти вещи и южнее — во Львовской и Тернопольской областях, в румынской Молдове, а целое скопление — в Черниговской области, в районе города Мены. Эти украшения очень редко находят в могилах или на поселениях. Почти все они обнаружены случайно и, как правило, в болотах, при мелiorации, причем почти всегда — парами. Скорее всего, это сагральные предметы, приносимые в жертву богам болот и омутов. Вряд ли они были предметом торговли,

2 процесс «пшеворизации» охватил уже все междуречье Одера и Буга. Вероятно, столкновение двух воинственных групп — выходцев с севера и кельтов — «высекло искру», от которой разгорелся огонь, инспекций «пшеворский пирог». Если продолжить это кулинарное сравнение, можно сказать, что муку для теста дали поморцы, то, что придало пирогу особый вкус, — кельты, ясторфцы и губинцы (культура, представляющая собою поморско-ясторфский сплав, а само событие — столкновение, возможно, и было добрым). Как реально складывались события, кто с кем воевал, кто кого поддерживал, кто на каких языках говорил, мы, к сожалению, на археологическом материале решить не можем.

гила в сломанном, «субитом» состоянии. Пшеворские и оксывские могильники буквально начинены им, что и стало характернейшим признаком обеих культур. Тут и длинные кельтские мечи, и круглые центральные бляхи-умбоны щитов, и оковки их краев, и наконечники копий. И тем не менее всех характерных черт культуры пшевоора не объясняют ни поморские, ни кельтские компоненты, вместе взятые. Например, у пшеворцев чаще всего в погребальную яму сыпано все — угли костра, пережженные кости, черепки намеренно разбитых сосудов. Такого обряда не было ни у кого во всей ближайшей округе.

Далеко не все формы весьма разнообразной пшеворской керамики можно вывести из поморской. Откуда взялось все новое? Очень похожая керамика найдена в одном из могильников в Дании, что и позволило исследователю этой культуры Мартину Яну высказать гипотезу о ее ютландском происхождении. Но выяснилось, что этот могильник возник не раньше, чем самые древние памятники пшевоора, а следовательно, не с меньшим основанием можно было бы говорить об обратном пшеворском влиянии на древних жителей Дании.

Проблема еще далека от окончательного разрешения. Очевидно, существовал третий компонент, игравший существенную роль в формировании этой культуры, и искать его следует, скорее всего, на северо-западе. Так или иначе к середине II века до новой эры быстрый

было побочным результатом этого же процесса. Здесь существенную роль сыграли ясторфцы, перешедшие Одер еще раньше, и группа пшеворцев из района Хельмы. Роль поморцев в сложении этой культуры была меньше. К началу процесса они Поморье уже покинули и переселились на юг.

Отголоски всех этих событий прозвучали, вероятно, и восточнее, в Поднепровье, и южнее — в Молдавии. Здесь в то время, когда создавалась пшеворская культура, образовались две новые культурные общности, достаточно близкие друг другу, — культура зарубинецкая и Поянешты — Лукашевка. По всем формальным признакам обе должны быть отнесены к третьему миру.

Культуры зарубинецкая и Поянешты — Лукашевка

Памятники зарубинецкой культуры располагаются тремя компактными группами — в Припятском Полесье, на Среднем Днепре — от Киева до Канева, и на Верхнем Днепре — от Припяти до Березины. Культура Поянешты — Лукашевка занимает земли от восточных склонов Карпат до Днестра, то есть Молдавию и румынскую Молдову. На промежуточных территориях — в Черновицкой, Тернопольской и Винницкой областях — тоже есть отдельные па-

а следовательно, их хозяева побывали в районе Мены.

О связях с ясторфским кругом культур свидетельствуют и некоторые вещи из поянештских и зарубинецких погребений — металлические поясные крючки и особенно характерные железные фибулы с насаженными на них бронзовыми шариками, а также некоторые формы керамики.

Таким образом, к моменту возникновения культур зарубинецкой и Поянешты — Лукашевка ситуация была сложной и в какой-то мере напоминающей ситуацию на территории Польши накануне образования пшеворской культуры.

В Причерноморье продвинулись носители поморско-ясторфской, уже частично латенизированной губинской культуры, а также, возможно, какие-то группы выходцев из более отдаленных северных районов ясторфской культуры. Проникли сюда и кельты-галаты, были здесь уже носители поморской культуры Полесья и, конечно, местные племена, потомки культур-предшественниц. И все эти разнообразные группы населения находились как бы во взвешенном состоянии. Для того, чтобы они сцементировались в новое единство, потребовался ряд событий.

Бастарны

И этими событиями стали походы бастарнов в Македонию. О том, что будущие зарубинцы в них участвовали, свидетельствуют зарубинецкие фибулы. Они своеобразны. Конструкция обычная для этого времени, латенская, кельтская, но отличается треугольным щитком. Это своеобразный штрих, характерная этнографическая особенность зарубинецких племен, в других культурах таких нет. За одним исключением. Похожие застежки плащей найдены на территории современной Югославии, на землях, принадлежавших во II веке до новой эры Македонии.

Югославские фибулы, здесь их называют «копьевидными», по времени несколько раньше зарубинецких и, очевидно, являются их прототипами. Идея делать эти фибулы именно такими у зарубинцев могла возникнуть только за Дунаем. Все это делает весьма реальным высказывавшееся и ранее предположение, что носители двух родственных культур Восточной Европы — зарубинецкой и Поянешты — Лукашевка — составляли союз племен, известный античному миру под собирательным именем «бастарны».

Еще одно подтверждение тому находим у древнего географа Страбона. Он жил во второй половине I века до новой эры, но, описывая Северное Причерноморье, пользовался в основном информацией более раннего времени, рубежа II—I веков до новой эры, когда и зарубинецкая культура, и Поянешты — Лукашевка были в самой поре их расцвета. Информация у Страбона была достаточно полной: он мог черпать данные как из рассказов очевидцев, побывавших с войсками Митридата в Северном Причерноморье (дед Страбона был одним из полководцев понтийского царя), так и из документов. В VII книге своей «Географии» он описывает подробно земли северного побережья Черного моря от Дуная до Крыма, затем перечисляет различные сарматские племена, занимавшие степные районы от Дуная до Днепра, а далее пишет: «В глубине материка обитают бастарны, германская, быть может, народность. Они делятся на несколько племен...» Никакой другой общности в глубине материка, между Дунаем и Днепром, кроме Поянешты — Лукашевка и зарубинцев, не было.

Германцы, бастарны и «народы между германцами и кельтами»

Кто же были люди третьего мира в этническом отношении? Направивается ответ: германцы. Однако не будем спешить. Действительно, когда границы Римской империи к рубежу новой эры были раздвинуты до Дуная и Рейна, все население к северу и к востоку от этих рек, вплоть до Вислы, стали называть германцами, а страну — Германией, или Свейвией, по имени одной из сильнейших группировок племен. Жив-

ших юго-восточнее бастарнов античные авторы I века новой эры тоже причисляют к германцам, хотя и с некоторыми оговорками. Но Тит Ливий, описывая события в Македонии, называет их галлами, то есть кельтами, и говорит о родстве их по языку и обычаям кельтам-скордискам.

Так галлы или германцы? До нас дошло всего пять слов бастарнского языка. Пять имен. Из них одно, Клондик, сопоставимо с германским Хлодвиг, но про остальные четыре языковеды не могут сказать ничего определенного. Само название «бастарны» иногда сопоставляют со словом «бастарды», означаящим «незаконнорожденные». Но насколько такая этимология справедлива? И что она объясняет?

Интересно, что многие археологи, занимающиеся зарубинецкой культурой, считают ее славянской. Может быть, и бастарны были славянами? Думаю, что такое решение было бы тоже слишком рискованным. Никаких прямых доказательств этому привести невозможно. Потому что зарубинцев действительно приняли участие в этногенезе славян. Но только как одни из многих.

Думается, что ключ для решения проблемы этнической ситуации в третьем мире правильно подобран тремя исследователями из ФРГ, археологами и лингвистом, изучившими археологические памятники, топонимику и все данные письменных источников о землях между Рейном и Везером на рубеже новой эры и пришедшими к заключению, что римляне напрасно причисляли жителей этих земель к германцам. Это был народ, ни обобщающее название которого, ни язык не сохранились. Изданная в 1962 году книга Рольфа Хахманна, Георга Коссака и Ганса Кюна так и озаглавлена — «Народ между германцами и кельтами».

Созвучны с этим и выводы некоторых историков, изучавших ясторфскую культуру. Они полагают, что прямыми предками исторических германцев и современных немцев являются лишь выходцы из ядра ясторфской культуры. Активное массовое расселение ясторфцев началось около середины I века до новой эры и продолжалось в I—III веках новой эры. Это и были исторические германцы. А если так, то носители всех групп ясторфской культуры в широком смысле (сюда входило и население Рейнско-Везерского междуречья) не являлись именно и безусловно германцами. Кроме зафиксированного тремя исследователями из ФРГ загадочного народа без имени, в составе третьего мира были, вероятно, и другие, вовсе не известные ныне племена и народы. То же самое можно сказать, очевидно, и про носителей культур оксывской, пшеворской, зарубинецкой и Поянешты — Лукашевка. По сути дела, весь третий мир представлял собой еще индоевропейский предгерманский или прагерманский пласт культур и диалектов, судьба носителей которых — станут ли они германцами или войдут в состав других народов — зависела от конкретных исторических обстоятельств.

Парадоксальна ситуация и с самим термином «германцы». Впервые его упомянул историк Посидоний, учитель Цицерона и Помпея, в своей пятидесятидвухтомной «Истории», описывавшей события пятидесяти лет, между 146 и 96 годами до новой эры. Так называлось тогда соседнее с кельтами племя, жившее в верховьях Рейна и примечательное лишь тем, что люди эти завтракали обычно жареным мясом, заливая его смесью молока с вином. Но в верховьях Рейна в то время жило как раз население из числа народов «между германцами и кельтами». Слова «германец», «германцы» становятся широко известны в Риме лишь со времени восстания Спартака в 73—71 годах до новой эры. Среди гладиаторов были так себя именовавшие выходцы из-за Рейна и Дуная. Примечательно, что, описывая войны римлян с кимврами и тевтонами, прародина которых находилась в ядре ясторфской культуры, Посидоний германцами их еще не называет. Впрочем, жители современной Германии не называют себя так и по сей день. Проблема кимвров и тевтонов и вопрос о появлении реальных германцев на исторической арене заслуживают специального разговора. ●

«Исследуя особенное в культурах разных народов, мы изучаем, как по-своему решаются общечеловеческие проблемы», — сказал в своем интервью нашему журналу академик Ю. В. Бромлей (№ 12, 1985 год). Ушли в прошлое времена, когда традиционные культуры народов Африки, Океании, Южной Америки, Сибири рассматривались как явления принципиально «низшего ранга» по сравнению с культурой «технологической». Мы уже прекрасно понимаем, что познать их, обогатиться их опытом сосуществования с окружающей средой, знаниями природных взаимосвязей — неотложная задача всей современной цивилизации, все более и более ориентирующейся на системно-экологическое осмысление своего развития. Но не менее ясно стало и другое: эта задача не может быть решена в полной мере, если мы не научимся видеть мир «глазами традиций», ощущать их естественность и целесообразность в той историко-культурной среде обитания, в какой они родились и существовали. Только тогда станут по-настоящему понятны закономерности их «культурной экологии» и ясен необходимый всем их опыт решения общечеловеческих проблем.

ПУТЬ

Но процесс такого постижения чрезвычайно сложен, здесь классические методы описания явно недостаточны, ведь это в первую очередь психологическое постижение мира создателей традиционных культур. О сложности такого пути познания рассказывают записки журналиста Б. ТУМАНОВА, которыми мы продолжаем нашу рубрику «Экология культуры».

Три страницы из путевого дневника журналиста

Страница первая. Неразумность чужака

«С чужестранцем, пришедшим в твою деревню, обращайся как с неразумным ребенком», — гласит древняя поговорка африканского народа банту. Не дай ему заплутаться — по любопытству, по незнанию — в лабиринте твоих табу, нарушение которых оскорбит тебя или твоих предков, найдет порчу на детей или неуражай на поля, приведет к болезни твоих соплеменников или покарает самого гостя. Ведь не исключено, что ты сам вынужден будешь наказать его за невольное преступление...

Неосведомленность, невежество — гостя — это заранее планируемая иждержка, объективная величина, к которой община — микроскопическая часть африканского мира — относится как к естественному свойству иноземца. Тень не благодарят за прохладу, которую она дарит, на солнце не гневаются за обжигающую тяжесть его лучей. Так сотворен мир, и неразумие чужака входит составной частью в равновесие природы точно так же, как и бесстрастное радушие общины. Эта бесстрастность — не ритуал и не безразличие, а некое предостережение гостю, приглашение воздержаться от действий, которые так или иначе нарушат сложное и хрупкое совершенство мира. Мудрость банту стихийно, но прочно вписана в законы диалектики: они знают, что незнание может стать разрушительным, когда толкает на действия, взламывающие порядок жизни. А если это незнание вооружено достижениями технической цивилизации, внушающими исследовате-